

Глава 11. На кухне.

На следующий день я решил получше осмотреть свою страну и для этого отправиться в небольшое путешествие.

Мне хотелось подумать о том, что вчера вечером сказал мне Лепетайло, и я побрел в сторону Прихожей, чтобы по возможности не встречаться сейчас с дядей. Мне было бы неприятно его видеть. Его, который в последнее время стремился всячески избавиться от меня. Но только сделав это чужими руками! Да он и сам, наверное, не хотел показываться мне на глаза, потому что опять заперся у себя в Кабинете. Оправдываться он не собирался - это не было в его характере, а просто делал вид, будто бы ничего не случилось.

О, как я возненавидел его в этот час! Ненавидел именно за то, что он находил в себе силы претворяться! Наконец произошло то, что давно уже должно было случиться. И что мой дядя вполне заслуживал, но на что я долго не мог решиться - во имя моей былой детской привязанности к нему, - я перестал его уважать!

А он всё ещё не знал об этом, потому что, видя, что я вернулся от эльфов живым и невредимым и, разумеется, без живой воды, даже не вышел меня встречать. Только приторно ласково улыбнулся мне издали и серой тенью скрылся у себя в Кабинете.

И вот теперь мне ужасно хотелось обратить на себя его внимание. Задирать его! Взбесить! Вызвать на откровенный разговор!

Чёрт возьми! Как так случилось, когда, что скрытный мой дядя, молча сам, нося все свои тайны в себе, подобно сундуку, молчанием запретил и мне задавать ему откровенные вопросы? Ни разу не говорил я с ним начистоту, обозначая словами наши противоречия. Недомолвки стали стеной между нами!

И я даже сейчас чувствовал, что не могу просто подойти к дяде и спросить у него: "Что я сделал плохого вам, почему вы пытаетесь сжить меня со свету?" Язык мой немел, когда я собирался с духом, а сердце в буквальном смысле заходило от страха, словно дядя околдовал меня! Стоило мне представить его гордое, чуть приподнятое лицо с острым подбородком, которое дерзко и самолюбиво взглянет на меня сверху вниз при первых же моих словах о недовольстве им, как кости мои становились красными от чувства ложного стыда. Да, Да! Именно так! Дядя колдовством привил мне ложный стыд, который никогда не давал мне переступить некую черту и взять над ним моральный вверх. Я боялся открыто соперничать с ним, спорить, ударить, а не то, чтобы убить, как предлагали мне коварные эльфы.

Вот и ныне, в этот утренний сумеречный час, когда я брёл в сторону Прихожей, я негодовал на дядю про себя, не произнося ни слова - не бунтуя. Да, я ненавидел его! Но это была ненависть труса. Я ненавидел дядю и плакал. Рассуждая примерно так: он не велел мне появляться в Прихожей? Но я уже не тот послушный мальчик, что совершенно случайно следил за ним в ночь встречи его с Холодашкой. Отныне я буду делать только то, что считаю нужным.

И в то же время я понимал, что это только слова. А что я, собственно, считаю нужным делать? Я и сам не знал. Я хотел сейчас лишь одного - крепко насолить моему взрослому родственнику, чтобы ... чтобы вызвать его на откровенный разговор. Пусть возмутится он моим непослушанием открыто. Может быть, тогда его прорвёт. Он проболтается о своих скрытых замыслах в отношении меня и Давии...

Ну, хорошо, проболтается. А дальше что?

Прав был Лепетайло, говоря, что дядя не боялся возмездия с моей стороны. Потому и обнаглел, потому и брезгливо вытирал об меня ноги. Какое дело ему до моего великодушия? Он его всё равно оценить не мог. Дядя презирал меня потому, что я не мог решиться ответить ему на его языке. Понятном ему - на языке колдовства или физической силы.

И он был прав: возмездия я как раз и не желал! Но не оттого, что я был добреньким до безволия. Да, я был трусом, но в то же время ещё и мечтал перевоспитать моего дядю.

Глупо? Глупо...

Но я, бредя как во сне в Прихожую, всё же наивно пытался представить себе его душевное состояние и полагал, что мой дядя несчастен! Как тяжело вечно бороться! В каких потёмках трепещет его душа! Насколько беспокойной должна она быть! Как неуютно жить, когда буквально все окружающие представляются тебе врагами, когда ты никого не любишь и прекрасно осознаешь, что никто не любит тебя! Сам бы я и часа не захотел прожить в дядиной неприкаянности и его внутреннем одиночестве.

Вот только ошибался я или нет? Ведь дядя вполне мог и не чувствовать себя несчастным. Я ровнял его по себе. А меж тем брезгливое презрение к людям и нелюдям Давии, которые все, как один, казались ему слабыми, гораздо слабее его самого, могло быть вполне естественным и вовсе не тягостным для него.

Дядя входил в нашу жизнь как со скальпелем в руках. У него был явно аналитический ум, то есть рассудочный, рациональный, практичный, вполне способный к тому, чтобы с легкостью разложить другого человека на составляющие его ниточки - качества. Но освежеванного, как какую-то скотину, на бойне, человека нельзя любить!

Все мы были с недостатками - и я, и Понура, и Лепетайло. Дядя слишком явно видел их. А сами его мысли убивали в каждом из нас его последнюю красоту. Дядя не был в состоянии прощать нам наше несовершенство. А такому человеку везде будет одиноко.

Но я действительно захотел поумнеть! Я вдруг ясно возжелал сделать нечто такое, за что дядя начал бы, даже не любя, меня уважать! Он ни во что не ставил моё великодушие и мою душевную мягкость? Мою детскую идеальную привязанность к нему, мою недавнюю веру в его совершенство? Он ценил в других только ум? Что ж, я заставлю дядю уважать именно мой ум!

Я злился. Но для того, чтобы взять над дядей верх, разрушить стену его высокомерия между нами, мне надо было действительно поумнеть. Легко сказать себе: “Стану умным!” А как стать-то?..

В общем, это был трудный час для меня. Я шёл и опять тосковал по взрослому, много мудрому наставнику. Шел и рассуждал: “Вот бы меня и впрямь услышал мой добрый волшебник! Но я не его подданный! Между нами скалы и Двери!”

И тут случилось поистине невозможное!

Сначала в щели под скалой Дверь, которая отделяла Прихожую от Кухни, появился какой-то свет, а потом озарилась и вся тёмная Прихожая, и в воздухе прямо передо мной заплясали... заоблачные девы, вилы!

Я остолбенел. Их тела были тонкими, прозрачными и в то время огненными. Хорошенькие, с длинными рыжими волосами, каждая ростом примерно с меня, они начали исполнять вокруг меня, скользя по воздуху, какой-то сложный танец. Они вскидывали хрупкие ножки под длинным красноватым платьем, изгибали тела с тонкими талиями, покачивали продолговатыми ручками...

Сначала я не понимал, что они хотели от меня. И просто молча любовался их неожиданным танцем. А потом до меня вдруг дошло, что они со мною разговаривают! Каждое их движение обозначало какой-то крючок. Нет, не из письменного человеческого. А того удивительного языка, на котором умеют разговаривать волшебники, не зависимо от их национальности и роду-племени. Язык этот - скрытный. Его невозможно постичь по доброй воле. Но он открывается тому всякому, кому положено им на время овладеть.

Мелькающий огонь словно входил в мои глазницы, пронзал мою душу и я читал: “Милый принц! Мы вилы - заоблачные девы, дети старика Волшебника Солнца. Не думай, что он не видел твоих страданий и не слышал твоих жалоб и просьб у нему. Он тебе поможет. Хотя сделать это трудно....”

На этих словах у меня перехватило дыхание от радости, но я в волнении читал дальше: “Однако и ты должен оказать помощь нам”. Конечно, конечно! Я энергично закивал черепом. “Дело в том, что твой дядя держит в плену нашу сестрицу”. Я сразу вспомнил огненный столб, похожий на тело человека, в колбе у моего дяди, в Кабинете, за занавеской. Заоблачные девы! Я слышал об их существовании от Лепетайло, который за свою жизнь пожегал ни на одной книге! Вилы жили на том небе, которое отделялось от твердого белого неба Давии высокими твёрдыми скалами, на чужедальном небе Волшебника. Похожие на лучи, они умели вытягиваться от облаков, которых тоже не знало никогда наше небо, до самой земли, они несли в своих прозрачных золотистых на свету телах тепло и радость.

Значит, одну из них поймал мой дядя? Но зачем? Вилы, должно быть, угадали мой вопрос, потому что ответили мне так: “Он хотел насолить доброму Волшебнику, заставить его красное сердце обливаться кровавыми слезами. Оно и обливалось. Ты не мог видеть, но сколько раз за последнее время отец наш заходил за горизонт, обозначая свой траур совершенно

малиновым закатом! Твой дядя поймал самую младшую нашу сестру, самую любопытную и неосторожную. Выпусти её на свободу!”

Я молча спросил одними глазницами: “А когда поможет мне Волшебник?” и вилы, уже исчезая, ответил мне, вспорхнув последний раз: “Скоро!”

Тяжесть отлегла от моего сердца. Впрочем. Я тут же и посмотрел на великанов. Они могли подглядывать за нами и донести на меня дяде. Но великаны дремали в своём тёмном углу этот послеобеденный час.

Я не успел даже возрадоваться тому, что, наконец-то, нашёлся тот, кто поговорил со мной о моих проблемах, приоткрыл мне завесу над тайнами, как вдруг...

Чудеса продолжались. Совершенно неожиданно для меня одна из скал Прихожей, Боковая, ... сдвинулась с места, с легким скрипом отошла внутрь Кухни и я... вбежал на Кухню, на которой никогда до этого не был!

Наверное, это помогал мне Волшебник. Но как? И тут краем глаза я увидел уносящиеся прочь тонкие огненные руки, которые скрылись за слоем точно такого же твёрдого воздуха, какой попался мне в стране с портретом мальчика - великана.

Итак, Волшебник решил нарушить границы и тайком пробраться в Давию, чтобы помочь мне!

Я с интересом разглядывал Кухню. В сущности, это тоже была часть моей родной страны, то только её заповедная часть, как я уже рассказывал вам раньше. Дядя не пускал нас сюда.

Здесь было всё то же белое, каменное небо, какой-то свой местный кругленький и одноглазый божок, спиной приклеенный к нему. Видимо, он подсвечивал тут вечерами.

И множество тесно прижатых друг к другу гор. Одна вроде нашего Стола, но пониже. Рядом - совершенно гигантский монолит белого цвета, и в нём что-то стучало, как сердце. Возможно, это какие-нибудь местные карлики танцевали и пели в его внутренних пещерах.

Ещё одна гора, на ножках, тоже белая и с плоским верхом стояла перед твердым слоем воздуха. И ещё множество гор и пригорков, вроде нашего Стула и тумбочки.

Но вот что удивительно: метеоритов здесь не было. Так что подняться высоко я тут не мог.

А то бы искал источник воды, который тщательно прятал от нас дядя для того, чтобы держать нас в зависимости от себя, своей воли. Что касается источника огня... Дядя тоже прятал его... Он не хотел, чтобы мы овладели огнём. Объяснял, что мы можем сжечь Давию. Что мы слишком все неуклюжие. Что спичками он всё равно давно не пользуется. Они в Давии кончились...

И тут меня осенило! Так вот почему дядя схватил и держал у себя в колбе вилу! Он добывал от её горячего светящегося тела огонь! Огонь был нужен нам, потому что именно на нём дядя и готовил для нас пищу.

Значит, выпусти я вилу - вместо с ней уйдёт половина дядиной власти над нами! Половина его авторитета! Сейчас он чувствует себя всемогущим, а если потеряет власть над огнём, его уверенность в себе будет поколеблена! Дядя будет морально подавлен.

Да, надо выпустить заоблачную деву!

И стоило мне только произнести про себя эту готовность, как вновь случилось и странное, и прекрасное одновременно. Я увидел других людей! Иноземцев! Надо же! Оказалось, что всё это время они жили не так уж и далеко от меня.

На стене прозрачного воздуха над Столом заплясали тени, которые могли отбрасывать только колеблемые ветром деревья, а потом откуда издали донеслись человеческие голоса и, наконец, я увидел нечёткие тени людей - гигантов.

Пусть это были пока только тени, и всё же человеческие!

С восторгом вслушался я грохочущие голоса:

- И почему это закрытую квартиру на первом этаже, где никто не живёт уже девять лет, кому-нибудь не продадут?

Я не понимал, о чём идёт речь, но продолжал слушать:

- Должно быть, принадлежит кому. Теперь так. Чья-то собственность. Можно владеть, но не жить.

Что-то сильно хлопнуло. Потом раздались гулкие шаги за скалой налево, и эти голоса зашумели гораздо менее ясно:

- А кто жил в той квартире? Я уж и не помню.

- Мальчик с матерью и отцом. А потом все будто съехали.

Стало тихо.

И тогда я понял, почему дядя никогда не пускал нас на Кухню. Здесь отсветами и отзвуками присутствовал мир моего Волшебника! И дядя не хотел, чтобы мы с ним познакомились. Ведь, если бы я давно узнал, что за скалами живут другие люди, хотя бы и великаны, но всё-таки люди, я бы непременно к ним устремился! За истиной, конечно!

А дядя, верно, лгал, утверждая, что на Кухне живут злые Приведения...

Зачем он говорил это? Верно, на всякий случай. Вдруг кто-то из нас, обитателей Давии прорвётся на Кухню. Тогда, услышав голоса, он решил бы, что это разговаривают приведения. Но Приведения не могли издавать столько шума! Не могли.

Каким же обманутым я опять себя почувствовал! Каким обиженным, обездоленным! Ведь сколько лет мною уже упущено! Лет, которые я провёл в узком кругу одних и тех же людей, почти не путешествуя, ничего не зная, не видя и не имея пищи для размышлений! Я мог бы, мог давно познакомиться с великанами...

Впрочем, дядя мог и не обманывать меня. На Кухне и впрямь могли водиться Приведения. Я опасливо оглянулся. Не всегда ведь врал дядя. Мог ненароком и правду сказать...

Пробежал тихий ветерок. И тут я догадался, как можно добраться до твёрдого воздуха, чтобы посмотреть сквозь него на иной мир. От земли до

потолка шла белая кружевная занавеска с крупную дырочку квадратиками. Сквозняк шевельнул её, и тогда я понял, что это вовсе не каменная стена, как мне показалось раньше. Я был так мал, что вполне мог подняться по ниткам, разделявшим дырочки, как по лестнице.

Я вцепился руками в толстенную и крепкую ткань и силой пальцев и ног, которые давно привыкли к альпинизму, довольно быстро вскарабкался на широкую белую площадку перед сжатым прозрачным воздухом. Я прижался к нему лицом и оторопел!

Меня встретили ряды просто гигантских деревьев! По-другому я назвать их не мог, хотя они мало походили на алоэ. Выстроившись кружком передо мной, они увидели меня, Скелетуса, принца Давского, и, отдавая должное моей стране, тут же вежливо поклонились. Я ответил им тем же. Надо было быть дипломатом. Должно быть, в этой стране наряду с людьми, человеческой жизнью жили мыслящие деревья.

С жадностью вглядывался я во всё, что открывалось моему взору.

Вот цветы! Целая клумба. Но какое великолепие - не нарисованные, как у нас на шерстяной земле, а такие же выпуклые создания, как и я. Не знаю, располагали ли здравым смыслом, а так же мозгами они, но на всякий случай я низко поклонился и им. Они так и задрожали в ответ о радости. Значит, мыслящие!

Я ещё подумаю, не взять ли мне в таком случае одну из них женского рода замуж. Как должно быть приятно, когда твоя жена такого милого розового цвета, вся, с головы до пят, как та, что с многочисленными многослойными лепестками. Или такая же пёстренькая, как другая. С лепесточками маленькими, разноцветными и бархатными. Ничего, овладею когда-нибудь языком этих милых созданий и тогда пройду по их рядам и выберу одну из них, с самым замечательным запахом.

Впрочем, пока я мечтал, моё внимание уже привлекла пара девочек-великанш. Эти тоже были прихорошенькие. К тому же, они так по-доброму взглянули на меня, проходя мимо, что я не удержался и послал одной из них воздушный поцелуй скелета.

Вероятно, обе были страшные гордячки, потому что сделали вид, что моего внимания не заметили. Но меня сильно обнадежило то, что одна из них задушевно сказала другой: “Эх, как хочется в мальчика хорошего влюбиться!” - “Это уж точно!”, - ответила ей другая и вся прямо-таки расцвела от мечтательной улыбки.

Был бы я не одни кости, я бы обязательно закричал им, трясясь от радости:

- А мальчик-то хороший, вот он! Стоит и смотрит на вас! Головы-то приподнимите, покоситесь хоть!

Но из скромности я промолчал. На этот раз. Жену для себя можно и из великанш выбрать. Ведь что ещё с женой надо делать, как только сеть напротив неё и любоваться ею целыми днями?

И тут уж не важно - какого роста твоя красавица. Если слишком большая - ею можно любоваться издали...

Я совсем размечтался и даже забыл о дяде, наслаждаясь уютом этого места, слегка пригретого моим Волшебником, видом на его страну и радостным сознанием, что в этом месте, на Кухне, Давия находилась в таком близком соседстве от него, как вдруг что-то с шумом опустилось на выступ за стеною плотного воздуха.

Я замер, широко раскрыв глазницы и рот. Это были удивительные, странные существа, округлые, с тонкими лапками и очень вертявыми головками.

На их телах косо и плотно одна к другой лежали палочки, из которых росли шерстинки, вроде тех, что у Лепетайло, только капельку пожиже.

Существа резко чирикнули, скакнули, а потом с любопытством на меня уставились. Я машинально, но с почтением им поклонился.

Мне сразу же явилась мысль: если они столь пристально меня рассматривали, уж не прислал ли их Волшебник? Я начал упрямо сверлить их лбы своим взглядом и вдруг понял их язык.

Один из них, громко и развязно чирикавая, заносчиво говорил другому: “Чёртов карлик! Какой страшилище!” - “Где? Где?” - Ещё пуще завертел головой второй. - “Да за стеклом, на подоконнике! Чёрт бы его побрал! Пугало какое огородное! Уставился на меня и ему, дураку, даже в черепушку не приходит, что я его боюсь! Пошёл вон, чудовище, пошёл вон, скелет оглоданный!” - И он азартно замахал на меня крылом, прогоняя. Я рассердился его невежливости и погрозил моим костлявым кулаком.

“Да не обращай ты на него внимание. - Взывал к первому странному и живому комочку второй. - Наверное, этот скелет заводной. Ты будешь на него замахиваться, а он тебе свой кулак показывать, часа два, пока батарейка в нём не сядет! Наплюй на костяного карлу! Ты мне лучше скажи, что хотел!”

- Да я хотел рассказать тебе одну тайну - как вывести из скворечника беду на веки, голод там или мор, а этот подсматривает да подслушивает! - Всё сердился на меня первый. - Я за эту тайну, три червяка отдал соседу. А этот бесплатно всё узнает? Не пойдёт!

- Да чего ты тянешь? Говори! - Чуть ни умирал от любопытства второй. - У этого скелета небось и мозги на батарейках. Кончится в них электричество, он всё и забудет!

Первое непонятное существо покосило на меня маленькие точечные глазки и гордо задрало носик, раздумывая, как поступить.

- Видишь ли, дорогой Альберт! Этим секретом могут воспользоваться и скелеты. Вот почему я не хочу, чтобы этот подслушивал.

Мне стало очень любопытно, и тогда я сделал вид, что во мне кончилось таинственное электричество - должно быть, живая вода иных каких-то существ.

Я пошатался- пошатался и вдруг рухнул на землю, подняв кверху кости ног.

Первое существо с облегчением перевело дыхание и сказала:

- Чтобы вывести из дома беду, просто побежать на то место, где тебя когда-то было очень хорошо, лучше всего на свете, и провести там хотя бы часа два.

- Да уж. А если мне было хорошо в том скворечнике, которое в этом году заняло семейство ворон? - почесал в затылке второй.

- Ну тогда, дорогой Бенедикт, ты уже никогда не будешь счастлив!

И оба пушистика ещё немного пожаловались на жизнь и улетели.

А я задумался. А мог ли я вернуться на то место, где мне было когда-то хорошо, очень хорошо, дабы прекратить все мои беды? И было ли вообще в моём государстве хотя бы одно такое место?

Я поискал глазами. И опять, как уже случилось со мной в комнате мальчика - великана, в моё сердце вошла тёплая волна узнавания.

Никогда вроде бы не бывал я в Кухне раньше, а, оглядывая её сейчас с этого выступа, я начинаю предполагать, что это не так и как раз тут-то мне и было некогда хорошо.

Но что же я переживал тут когда-то и с кем?

Меня снова охватило волнение. Ведь если комочки были правы, моё местонахождение именно на Кухне и должно было положить начало моим победам на дядей.

От нетерпения поскорее узнать это местечко я даже запрыгал на обеих звонко стучавших ногах. И вдруг мне ответили, тоже стуком. Я озирался по сторонам, ища глазами источник звука. И неожиданно увидел прямо перед собой несколько стрелок, каждую с меня ростом, одна из которых весело скакала по кругу с цифрами.

Надо же! Да ведь это часы! В Давии никто не наблюдал время по часам. Но у дяди часы были, и он официально объявлял из своего Кабинета на всю страну начало каждого часа.

На скале по кругу щелкали металлические стрелки, и мне чудилось: я когда-то очень любил этот звук. Я когда-то сидел тут, на Кухне, рядом с той, которую любил больше всего на свете и которую забыл, и ждал положенного часа. А время тянулось до-о-олго, и время от времени я нетерпеливо спрашивал её: “Ну, когда же начнутся мои мультфильмы?” И моя жизнь наполнялась тогда её голосом: “Скоро, скоро, дорогой!”

Но чей это был голос? Может быть, голосом Волшебника? Я и тогда его любил? И что такое “мультфильмы”?

И вдруг Волшебник, который явно продолжал всё это время наблюдать за мной и даже подслушивать мои мысли, вышел в своей стране из-за тучи и протянул ко мне свои золотистые длинные руки. Со сжатыми кулаками они прошли прямо сквозь твердый воздух и косо засквозили на Кухне. Вслед за этим Волшебник разжал кулаки, из них выпорхнули заоблачные девы и заиграли на лучах, словно на струнах.

Струны запели:

- Здравствуй, друг мой! Скелетус, благородный принц Давский! Я помогу тебе, как и обещал. Но прежде ты должен узнать, что будешь бороться не столько ПРОТИВ, сколько ЗА.

Помнишь ли ты сказки матери своей?

Он замолчал, давая мне возможность вспомнить. Он назвал меня благородным?!..

... Сказки матери моей?!.. Я редко думал о том, что и у меня была когда-то мать.

Я ничего о ней не знал. Я только знал, что Она была! Так это, может быть, её я любил некогда больше всего на свете? И рассказывала ли она мне сказки? И где? Может быть, тут, на кухне? И может быть, оттого мне было здесь хорошо? И я полюби всё то, что нас с ней окружало на Кухне?

Косые лучи опять запели голосом доброго Волшебника:

- Посмотри на стену налево, что рядом с холодильником.

С холодильником? А что такое “холодильник”? Может быть, это родственник Холодайки? Или её дом родной? И из него она появляется прежде, чем бросит молнию и появляется в Прихожей перед моим дядей?

Ой, что это? Струны - руки Волшебника удлинились и уперлись в какой-то громадный короб на скале. Стена - скала... Здесь на гвозде висело старинное деревянное сооружение, округлое, похожее на бочонок. “Короб”. Я не был уверен в том, что это слово относится именно к этому предмету. Но слово, что всплыло неожиданно в моей памяти, в свою очередь напомнило мне одну, будто бы слышанную от мамы в детстве историю.

О девочке. Девочка эта села в короб, короб поставили на плечи Бурому, и он понёс его куда-то... Кажется, к девочкиной маме.

И ещё вспомнил я одну яркую деталь. Давным-давно я несказанно желал сам сесть в этот короб, чтобы с его помощью отправиться к МОЕЙ маме! Кажется, это случилось сразу после того, как дядя объявил мне, что мои родители навсегда отправились в путешествие. Никогда я не понимал: как можно отправиться в путешествие навсегда. Очень хотел сесть в короб и, как сказочная девочка, догнать в нём моих родителей. А дядя смеялся и говорил, что я его просто уморил и что такой ерунды он давно уже не слышал...

Ха-ха-ха! Я вдруг тоже рассмеялся. Да так весело! Как всё-таки хорошо иметь хоть какие-нибудь воспоминания! Воспоминания всегда сладостны, по крайней мере, для того, кто их никогда не имел, для кого-нибудь вроде меня.

А Волшебник так приветливо показывал мне золотыми струнами рук на короб, словно приглашая меня в него, наконец, забраться. Исполнить своё давнее желание.

У меня замерло сердце. А что если там... моя мама?

Я ловко съехал вниз по скользким шелковым занавескам на пол, потом отбежал в Прихожую, поймал там один метеоритный шар и, обуздав его, взвился в воздух. Пролетая мимо короба, я спрыгнул на его корявую неровную, ступенчатую поверхность из старой коры дерева, и полез по нему вверх.

Достигнув края, я уж хотел съехать вниз, как вдруг страшная досада обняла меня! Я увидел, что в коробе не было дна. Ну что же это?.. Скрывая своё разочарование, уткнулся лбом в тёплые солнечные руки Волшебника. Я чуть не плакал.

Лучи зашевелились и, словно настоящие руки, заботливо погладили меня по черепу. Я не верил в собственные ощущения. Бог мой Люстра! Меня кто-то жалел!

А вилы уже ласково роились внутри короба, призывая меня прыгнуть в него. На удачу? Я ведь всё равно не разобьюсь, если попаду на пол. Я лёгкий как пушинка. Так только, может быть, пара косточек отломятся и отлетят...

И так мне хотелось видеть в лице Волшебника доброго и мудрого наставника, которого я, наконец, обрёл, что я зажмурился и покатился вниз, внутрь короба!

Как странно, я не упал! И не разбился. И кости мои остались целы. Дядя говорит: земля меня не притягивает, не держит потому, что я не нужен земле, я только дяде и нужен.

Я всё катился и катился. Словно этот короб был бесконечен. Куда я катился?

Потом движение прекратилось, и я смятым комком вылетел на какую-то дикую и голую гору, вокруг которой расстилалась... полу пустыня!

Я стоял на желтой, медово-желтой песчаной земле, а передо мной и со всех сторон катилась каменистая, без клочка растительности местность, которая шла ступеньками и зигзагами, она то резко обрывалась, то внезапно описывала кривую, и буквально вся была изрезана и искрошена. Палило каким-то сказочным жаром, хотя солнца видно не было. Ни колодца, ни домика. В мгновение всё это понял я.

А где-то в середине пустыни виднелись две чёрные точки. Две точки молча прижимались друг к другу, брели плечо к плечу. Было тихо, и только гудел и рвался ветер. И небо было голубое. Но я почему-то слышал, как разговаривали те двое. Один из них, женщина, устало спрашивала: "Сколько нам ещё брести?" А мужчина отвечал: "Пока наш сын не повзрослеет. Тогда только он получит зеркало".

Эти две далёкие точки были как два тоскливых и жалких глаза. Глаза грустной одинокой пустыни. Как два приподнятых бугорка плеч того, кто плачет.

И моё сердце было почему-то с ними, с теми двумя.

Почему? Потому что они говорили о своём сыне. Разве это не счастье, когда тебя называют сыном? А я давно хочу быть сыном, и так надоело мне быть племянником, что я знаю: во всяком месте Земли, где будут говорить о своём сыне, я буду становиться счастливым, потому что буду думать, что это говорят обо мне...

Неужели эти двое - мои путешествующие родители? Таинственный ключ к предыстории моего сиротства? Я верну их, и стану самым счастливым человеком на свете. Вот что должно стать моей целью, моим "за", а не просто соревнование с дядей.

... И как я влетел в короб, так же быстро руки волшебника меня из него и вынули.

И всё-таки я запомнил слово "зеркало".

Зеркало! Я подпрыгнул как ошпаренный, когда оказался на земле в Кухне. Кажется, ум мой просыпался! Наверное, это случилось потому, что Волшебник погладил меня по голове.

Единственное зеркало в Давии стояло, прячась, за спинами великанов в Прихожей. Оно было кругленьким, на ножке и было поставлено на выступ. Но как его добыть?

Я решил просить помощи у Волшебника, и он, взмахнув руками, повелел вилам растянуться от того места, где я стоял, до горы за спинами великанов. Выстроилось нечто вроде лесенки с золотыми ступенями. Правда, ступени были огненными. Но я не так боялся обжечься, как мог на моем месте бояться человек. Мои кости не чувствовали боли от ожогов.

Я увидел, как при приближении золотых и теплых тел заоблачных дев только что проснувшиеся великаны почему-то сжались от страха, обмерли. А потом в паническом страхе кинулись в объятия друг друга, прячась от лучей солнца.

Завопить, предупреждая об опасности дядю, они не могли. Потому что он давно лишил их лиц и, следовательно, языков.

А потом вдруг великаны стихли. Потому что одна из вил все-таки коснулась их тел своими руками. Я видел собственными глазами, как они вдруг обмякли. Я думал, что они загорятся. Но огонь и дым мог бы предупредить дядю о том, что Волшебник тайком пробрался в его сумеречное царство, и пожара не случилось. Великаны лишь расслабились, им тоже стало хорошо. И один из них прошелестел подкладкой своего плаща: “Наслаж-ж-ждение!”, а второй ответил: “Давно бы так. Заж-ж-ждалис-с-сь”.

Я протёр глаза. Странно, но с этой минуты великаны почему-то больше не казались мне людьми. Они были лишь - гигантские серый плащом и темно-синее пальто, под которым стояли резиновые сапоги, предназначенные для огромных ног. А над плащом и пальто висели шляпы. Мужская и женская. Тёмное царство дяди начинало рушиться.

Оно начинало рушиться именно сейчас потому, что именно сейчас Дверь в Кухню оказалась открытой. А прежде дядя всячески прятал мою Давию от солнечного света, как я понял это только теперь.

Сделав всё, что могли, осторожные вилы беззвучно улетели на Кухню и выпорхнули в страну своего отца.

А я понял, что отныне ничто не мешало мне взять зеркало и вернуться с ним в Центральную долину.

Правда, зеркало оказалось тяжеловатым. Я мог только приподнимать его. А не нести. Я постоял возле него на Полке, внимательно разглядывая моё безобразное тело.

Но в этот день голова у меня соображала, хотя и была в буквальном смысле пустой, без мозгов.

Я вдруг обратил внимание на то, что на Вешалке, на гвозде, висели чьи-то громадные шерстяные варежки. Они были связаны резинкой. Тогда я довольно ловко перепилил её моим ножом, потом один конец привязал к зеркалу, а другой к гвоздю и спихнул зеркало вниз.

Оно свалилось, но повисло, попрыгивая, на натянувшейся резинке.

Я тоже устремился вниз. Надо было вести себя тихо и действовать быстро, пока дядя не проснулся, пока он не вылез из своего Кабинета, где он переживал своё поражение, а, может быть, и замышлял против меня новые гадости.

Оказавшись на полу, я изо всех сил потянул зеркало за собой. Делать это было не просто. Следовало растягивать верёвку, так что я часто отдышал. Но и когда я отдышал, ноги мои скользили по полу, потому что резинка тянула назад к Вешалке.

Однако надо было двигаться, и я опять потянул за собой зеркало, чтобы отвязать его только в долине, спрятав где-нибудь в цветочных нарисованных на шерстяной земле дебрях. Я, конечно, не знал, как мне использовать зеркало, но надеялся на подсказку Лепетайло, Понуры или Волшебника. Буду сидеть возле него и ждать удачи, своего часа.

Правда, беда была в том, что руки Волшебники никогда не дотягивались до Центральной долины, окруженной до самого неба скалами... Поэтому он сюда никогда не и заглядывал. И вдруг я кое-что вспомнил! А дырочка в плотном занавесе, которую я вырезал ножом?.. Ну, та, через которую я наблюдал за страной Волшебника, и через которую в нашу страну проникали, якобы, сполохи далёких взрывов?

Но она была так высоко! Как туда поднять зеркало? На метеорите сделать это будет невозможно. Пылевой шар не потянет.

И я свистнул моему верному, хотя и ленивому другу Лепетайло: “Кис-кис, королевский библиотекарь!”

Кот, которого потрясли недавние события у эльфов, и который всегда был, в отличие от меня, злопамятным, принесся тут же, с мяуканьем.

Я всё ему и рассказал. А потом жестами указал: “Перекуси верёвку”. Лепетайло так и сделал. Резинка улетела обратно в Прихожую, а я велел коту взять зеркало в зубы, а меня посадить на спину, и подняться к Двум Деревьям.

Коту это ничего не стоило. Два прыжка - и он возле горшков.

Потом мы с ним поставили зеркало так, чтобы в него упал свет Волшебника, который слабо пробивался сквозь маленькое отверстие в матерчатом занавесе. И вдруг...

Зеркало ожило, оно само повернулось ко мне, и я увидел, что лучи Волшебника словно разжидили его поверхность. Изображение скелета пропало, а мне высветилось невидимое - пещера, в которой была замурована Живулька!

В общем, теперь было два Бара, один настоящий и запертый, а другой в зеркале и с открытой дверью. А между ними... Волшебник устроил тонкую медную проволоку дрожащего солнечного луча. Всего одного.

Он словно предлагал мне пройти по ней. Мне? Тому, что был неуклюж, как мешок с костями?

Но имел ли я право рассуждать, дрожать за себя, когда надо было торопиться спасти ещё живую, но уже умирающую без еды и питья девочку?

Некогда было тянуть. Волшебник явно предлагал мне идти по его прозрачной золотистой руке, то есть, по сути, по воздуху. Я не умел, конечно!... Но всё равно должен был пытаться это сделать.

Я уже хотел решиться на первый шаг, как вдруг дядя выскочил из своего Кабинета.

Видели ли бы вы в это мгновение его лицо! Он оторопел! “Ты?!... Ты?!... - Возопил он громко и сипло. - Восстал? Восстал против меня?”

- Не против! За! - Вспомнил я слова Волшебника. - Я хочу вернуть из далекого, бесконечного путешествия всех моих друзей и родителей!

- Жалкий мальчишка! - Начал даже от волнения запинаться дядя - Сумасброд! Рушишь мои запреты?! И чёртов кот тебя поддерживает?!

Это заговор!

И дядя уже хотел кликнуть хрустальных и хрупких карликов на помощь себе, как я, больше не раздумывая ни секунды, кинулся по золотой проволоке, спеша изо всех сил.

Я понесся по этому висячему мосту как вихрь, словно мне вдогонку летела пуля! Я не успевал даже почувствовать страх или опасения.

Дядя замер и не сводил глаз с моего затылка. Так что под его тяжелым взглядом я один раз чуть не сорвался, рассказывал потом кот.

И вот уже пещера близко. Вот я сейчас размозжу себе голову на бегу о тяжелый камень скал Бара!

Но нет!

Я вошел в стену всеми своими костями, как нож в масло! Волшебник светом своим жарким растворил массу камня и сделал её похожей на легкий воздух!...

О, Живулька!... Один единственный лучик Волшебника, который только и смог протиснуться в крохотное окошко матерчатого занавеса, вошёл в пещеру вслед за мной и осветил девочку, лежащую под тяжелым прессом внутри каменного склепа, который дядя называл Шкатулкой. Руки и ноги её были связаны, девочка слабо стонала. Я нагнулся над ней. Она не узнавала меня и прошептала: “Пить...”

Я разрезал ножом все верёвки и поднял сестру на руки. Вынес её на край пещеры и издали сурово взглянул на дядю. Он не выдержал моего взгляда и в досаде отвернулся. Потом ссутулился и ушёл к себе. Но я помнил о том, что там, в Кабинете, ещё томилась в колбе солнечная вила.

К нам, неся воду, бежал из Кухни Понура. Напив девочку, он что-то хрюкнул Лепетайло. Тот перевёл:

- Дядя вызвал Холодайку. Она придёт сегодня ночью.

Глава 12. Холодайка.

- Холодайка? - Спросил я. И улыбнулся. - Очень хорошо.

Что должна была означать моя улыбка, я и сам не знал. Просто я хотел показать своим поданным и друзьям, что, начав дело освобождения моей маленькой страны из-под владычества дяди, я уже не останюсь даже перед великаншей в мужском облике, Холодаикой.

И я стал ждать ночи. Всего несколько часов отделяло нас от наступления полной темноты. И я знал, что с приходом ночи останусь с дядей и Холодаикой один против двоих, потому что добрый Волшебник уйдёт в свой дом, где он проводит обычно ночи, уведёт с собой девочек вил, и о его присутствии на небе я смогу узнавать лишь по свету желтой лампы - ночника - луны, которая станет светить мне через одно из его оконц.

А пока я занимался Живулькой. Сестричка была очень слаба. Она лежала там, куда я её перенёс, на своей постели в углу Дивана. Глаза её были, как обычно в последнее время, закрыты, а родинка между бровей вообще не имела зрачка. Поэтому, так как девочка молчала, я даже не знал: есть ли у неё силы думать и понимать происходящее, наши с Лепетайло и Понурой секреты.

Живулька тихо постанывала. Ничего не ела, только часто пила воду, которую приносил для неё из открытой Кухни Понура. Теперь мы знали, где в Давии можно добывать воду без помощи и разрешения дяди, вот поросёнок и бегал туда-сюда, чувствуя себя едва ли не героем, который спасал от гибели тяжело раненных. Да так, наверное, и было. В трудную для страны минуту все мои друзья как бы забыли о своих слабостях и лени и действительно совершали подвиг за подвигом.

Лепетайло грел холодное тело Живульки своим пушистым хвостом, а заодно и охранял её, недовольно похрапывая. Он не спал, конечно, а именно храпел, давая ещё издали понять моему дяде, что подходить к нему и сестрѐнке лучше не стоит - библиотекарь зол!

Дядя притаился в Кабинете. За весь вечер он ни разу не появился, а я из презрения к нему, которое всё нарастало, даже не пытался за ним следить, поднявшись, например, на метеорите в небо. Я хотел одержать победу не подглядыванием, а какими-то честными, красивыми поступками. Однако война есть война, и ночью мне всё равно придётся пуститься на разведку.

Очевидно, дядя был растерян и желал посоветоваться с Холодаикой, поэтому пока что ничего не предпринимал. Полагаю, им было о чём поговорить, ведь завтра вечером мне должно было исполниться четырнадцать с половиной лет.

Остаток дня прошёл в спокойной обстановке. К ночи я ненадолго прилёг, но Лепетайло разбудил меня вскоре легким толчком лапы. Он, как всегда, дремал в полглаза, чтобы следить за дядей, и потревожил меня в тот миг, когда дядя, завернувшись в свой плащ, отправился в Прихожую.

Я спустился по корням Дивана в Центральную долину, а из неё едва ли не на цыпочках пошёл следом за ним.

Вдруг мне опять вспомнилось пророчество карликов о том, что я должен узнать правду о своём предназначении до послезавтра, и я снова подивился их странным словам. Какое ещё может быть предназначение у наследного принца, как ни забота о своих, пусть и немногочисленных поданных, а так же родителях, когда они найдутся?

Но кто знает, может быть, сейчас для меня что-то новое раскроется?

В положенный час раздался тихий короткий звонок, потом опять блеснула молния от неба до земли. Но теперь я уже догадывался, что это не молния. Просто сдвинулась в сторону одна из скал Прихожей, и в неё ринулся свет из соседней страны, где живут великаны, подданные Волшебника.

Не думайте, что мне не было страшно. Легче всего попасть в беду ночью, особенно когда ты одинок. Но я боролся со своим страхом, как мог, обливался потом, но не бежал, потому что сказал себе: “Бежать некуда. Сама беда пришла в Давию. Её надо встретить достойно. А убежишь и непременно погибнешь. Да ещё бесславно”. И я крепился.

Как и в прошлый раз, присев возле моего маленького на корточках, Холодайка, зажгла трубу возле своего лица, столь похожего на его лицо, словно она тоже была моей родственницей.

- Ну и что? - Только и спросила она дядю. И из её вопроса и интонации я сразу установил, что дядя действительно просил у неё помощи.

Дядя, высвеченный огнём, теплившимся на конце вонючей трубы, сразу почему-то занервничал и даже замахал руками.

- Этот наглый мальчишка совсем разошёлся! - С возмущением пожаловался он.

И тут, честное слово, я испугался ещё больше. Притаившись за гигантским ботинком, я быстро сообразил, что колдуну - великану стоило только пожелать, и мы все погибнем под его здоровыми ногами: он нас затопчет, а кота без труда изловит и придушит, как бы тот ни царапался.

Но к моему великому удивлению, Холодайка лишь насмешливо прокряхтела:

- А мне какое дело?

Она по-прежнему была в большом плаще и фетровой шляпе с длинными полями.

- Наш договор давал тебе столько времени! В твоей власти было немало! Я снабдила тебя и некоторыми колдовскими приёмами чёрной магии, и устрашающей аурой настоящего злодея!.. Почему ты не избавился от мальчишки, когда он был совсем мал и соображал не так быстро, как сейчас?

Я ожидал любого подлого ответа, но дядя сказал то, что не могло не задеть моего сердца жалостью к нему, как я ни сердился на старика:

- Именно потому, что он был мал! Во-первых, тогда он не угрожал мне ничем, а я не маньяк, чтобы убивать людей ради самого процесса убийства! А во-вторых, неужели ты думаешь, что я не мог по-своему привязаться к нему?...

Вот так дядя! Оказывается, и в нём были капли сердечности!

Холодайка хладнокровно пожала плечами.

- Одним лилипутом меньше, одним больше... Всё равно они долго не живут. Лет шестнадцать - и они уже старики!

- Ну, хватит, хватит навязывать мне свои холодные лягушачьи чувства!
- Дядино лицо в свете красноватого огня от трубы искривилось от переживаемого унижения. - Ты... ты... ещё будешь учить меня! Лучше скажи мне, как исправить ситуацию! Ведь завтра к вечеру ему четырнадцать с половиной!

Холодайка квакнула и неприятно засмеялась.

- Что я могу тебе сказать? Только удивляться и удивляться: у тебя было до этого почти девять лет без одного дня! Ты мало работал, значит! Слишком упивался своей властью над этими детьми и животными! Жалкий старый честолюбец! Вместо того чтобы всех их уничтожить!

- Не оскорбляй меня! - Произнёс дядя с угрозой в голосе, сжимая свои крошечные кулачки перед носом у великанши Холодайки. - Не забывай, что своей нынешней величиестью ты обязана мне! Только мне, бесполезное и эгоистическое создание!

- Сам бесполезен и эгоистичен! Я купила у тебя и твой рост, и твою внешность!

- Но срок договора заканчивается завтра! - Словно всё ещё угрожал дядя.

- Он того и гляди автоматически продлится!

- Не дразни меня! - дядя потряс головой.

- Да что ты можешь? - Усмехнулась Холодайка. - У тебя в запасе только завтрашний день! А было девять лет! Долгих девять лет! Но ты не смог заставить мальчишку отчаяться, чтобы он покончил с собой; ты не сумел заставить расправиться с ним эльфов и карликов. Ты не выкинул его из Давии, как того, очкарика. А у великанов так и вовсе оторвал головы и руки! Что они после этого могли?...

- Они однажды меня ударили...Ботиком по голове. - Огрызнулся, оправдываясь, дядя. - И не говори, что я ничего не успел! Девчонка Живулька начала что-то подозревать и следила за мной - я вырвал ей глаза!

- Ерунда! - Посмеиваясь, заквакала Холодайка. - Мне точно известно, что девчонка носит между бровей третий глаз, который отдала ей её мать. Они обе тебя дурили!

- Почему же ты молчала? - Взвизгнул дядя. - И как могла мёртвая засушенная мать девчонки отдать ей свой глаз?!

- Очень просто. Матери до конца никогда не умирают! По крайней мере, душа всё ещё теплится в них из любви к оставленным детям. И глаза их даже в гробу не просыхают от слёз. Глаза всё видели и не сохли. Потому что слезы их смачивали!

Дядя в откровенной досаде затопал ногами. Потом сорвал с себя галстук и начал в отчаянии, не помня себя, затаптывать его ногами. Его истерика стала мне отвратительна. Лучше тихие слёзы в одиночестве, чем публично признаваться в своём отчаянии и пытаться кого-то напугать разбушевавшимися нервами.

А когда в ответ Холодайка опять засмеялась, дядя был уничтожен. Руки его опустились, он прекратил истерику.

- Ты мог бы и догадаться, что не в моих интересах помогать тебе! - Квакала Холодайка. - Зачем? Ведь мы с тобой поспорили. Наш договор - это соперничество на долгих девять лет! Так почему я должна помогать тебе обыграть меня? Чушь! Вздор! Ерунда! Я не враг себе! Я и раньше никогда тебе не помогала. Когда ты ждал целых девять лет в квартире того милого очкарика. И потом, когда ты спорил со мной на квартиру Катеньки, то есть Живульки. Как вы её прозвали, чтобы напрочь отсечь ей память.

В общем, дорогой господин Пустопорожнев, если ты не лишишь мальчишку жизни до завтра...

- Тс-с! - Перебил дядя, оглядываясь. Он поморщился. - Не афишируй моего имени! Разве можно быть такой неосторожной!

Холодайка перешла на тихий шепот:

- ... Если ты его не того, я навсегда останусь в твоём облики! И вообще, о чём тут ещё рассуждать? Действуй!

- Но зачем тебе мой облик? - Вырвалось у дяди с завистью. - Охота доживать за меня остаток дней стариком?

- Не такой уж ты старик! И потом в общей сложности я живу вместо тебя человеком уже целый двадцать один год! Мне это нравится!

- А если победа достанется мне? - Ядовито спросил дядя.

- Это ничем мне не грозит. Я безумно боялась умереть ещё лет двадцать назад! А сейчас!... Какое раздолье для меня! Сколько детей хотят разбогатеть уже в свои десять - одиннадцать лет! Я дам одному из них то, что он запросит, но сделаю его за это ничтожным карликом, лилипутом! А сама войду в его семью вместо него и тем опять намного продлю себе жизнь! - Казалось, что Холодайка блаженствует. - Хорошо быть колдуньей! И ещё приятнее - уметь извлекать пользу из своих умений. Ибо что поистине ужасно - так это возвращаться в моё болото! - Призналась Холодайка. - Век жабы недолог. И тут, как не ворчи, придётся однажды сдохнуть! А как было бы жалко, если бы человечество потеряло в моём лице такого мудрого чародея! Пусть мало кто знает меня. Но сколько знаний хранится в этой голове, - Холодайка постучала себя по лбу пальцем. - Сколько редких книг прочла я, будучи человеком и продляя себе жизнь с одна тысяча шестьсот пятьдесят восьмого года! Я была уже и англичанином, и французом, и японцем, и австралийцем!..

... Пока не добралась в девятнадцатом веке до России.

Я слушал разговорчивую жабу с превеликим интересом. Правда, я не ведал, что такое Россия. Не знал и многих из произносимых ею слов.

- И здесь я попользовалась алчностью многих и многих людишек. - В голосе Хлодайки слышалась гордость за себя. - О, дорогие мои! В отличие от меня, они полагали, что вещи дороже человеческих жизней! И поэтому легко меняли мертвое на живое.

Чёрт возьми, я должна признать, что не встречала племени тупее людей! Все - жабы из моего родного болота, птицы и звери каждую минуту борются за то, и только за то, чтобы продлить дни своего существования! Но только не

люди. Словно бы им кажется, что девяносто лет жизни - это слишком много для них! Чего они только ни делают, чтобы убраться с этого прекрасного, великолепного света на тот свет прежде срока! И курят, и пьют, и ненавидят друг друга. А в последнее время вообще признали, что лучше несколько лет прожить в роскоши, чем сто лет в бедности. Я иду по улицам человеческих городов и вижу, как чуть ли не на каждом углу люди предлагают мне: “Забери наши жизни, но только дай нам немного пожить жизнью миллионеров!”

- Может быть, мир действительно сошёл с ума за то время, пока я, по нашему договору, был заперт в Давии, - нехотя и как бы не веря Холодайке, произнёс дядя, - но только не в моей маленькой стране. Мальчишка будет драться за свою жизнь и жизнь своих друзей, как лев.

- А ты? - Жаба в презрении посмотрела на дядю. - Отдал мне уже двадцать один год жизни! И ради чего?! - Казалось, она ужасается. - Ради того, чтобы овладеть квартирами этих несчастных детей? Жилплощадью?

Я вздрогнул. Квартирами? Что такое квартира? И тут мне вспомнился вопрос, который задал один великан из страны Волшебника, остановившись возле Кухни: “Почему эта квартира никому не перейдёт, если в ней давно никто не живёт?” Или что-то в этом роде. О чём это они?

Я с жадностью вслушивался в голоса этих двоих, которые оказались вовсе не друзьями и помощниками друг другу.

- Да зачем тебе столько квартир? - Спрашивала жаба у дяди.

- Жилплощадь! Тебе, маленькой жительнице просторного болота, не понять, как важна человеку площадь для его проживания!

Жилплощадь! О-о-, - заблеял мечтательно дядя, - как трудно всю жизнь просуществовать на крохотном пятачке, размером с островок лилии на твоём озерке! И это в те самые годы, когда в голове твоей роится столько планов, а в груди, полной сил, тесниться столько желаний! Когда ветер живых мечтаний то и дело проносится в твоём сознании!...

О! О! Я всегда любил шагать, обдумывая свою жизнь наперёд, меряя свою собственность ногами! Но моя личная комнатка, доставшаяся мне по наследству от матери, комнатка - всего в пять шагов в одну сторону и три в другую, - это не больше, чем... тюремная камера!

Жилплощадь! Нет, дорогая Холодайка! Это не просто мертвые доски пола! Это не метраж паркета, это твоя страна, маленькая страна, где ты царствуешь целую жизнь!

Нет, я страдал не напрасно! Я не напрасно отдал тебе двадцать лет своей жизни! Иной путешественник или завоеватель терял больше! Терял здоровье и саму жизнь в своих завоевательных походах! Наш с тобой договор, по сути, тот же поход! Но я, я открыл не Ванную комнату, как Колумб!.. Не Балконию и Туалетию, как Магеллан! Я обрёл около двухсот квадратных метров площади, пригодной для жилья! А это целое королевство!

Ты не знаешь трудности человеческого существования...

- Я знаю! И в твоих “пять шагов на три” мне сейчас вовсе не тесно!

- Это потому, что ты обрёл с помощью колдовства целый мир. - Задумчиво произнёс дядя. - Тебе не тесно в моей квартире только потому, что

ты вылезла из болота. Ты мало двигалась в нём. Ты одинока и приходишь в свою комнату только для того, чтобы ночевать! Ты не живёшь в мечтах, меряя свою жилплощадь ногами и своими мозговыми извилинами!

И, небось, - тут уж засмеялся дядя, - и в моё жилищеходишь совсем как жаба. Прыгнула в проём двери и замерла на полу до утра, застыв в позе лягушки.

- Я не мечтаю. Я познаю, - несколько смешалась жаба. - Такое у меня кредо. А для чтения книг по чёрной магии достаточно одного просторного кресла и тарелочки дохлых мух. В нём я засыпаю.

- Ты потому не мечтаешь, - возразил упрямо дядя, - что у тебя холодная кровь! Я у меня горячая!

- Да, я не так прихотлива, как ты! - Неожиданно согласилась Холодайка. - Была бы только свежая чёрная книга о волховании! Вот я и счастлива!

- Твоя жизнь не больно разнообразна! - Ядовито прокомментировал дядя. - И не думай, что я был несчастен в прошедшие двадцать лет. Наконец-то мои мечты о собственном царстве осуществились!

Ты предлагала мне убить мальчика в очках. Потом Живульку и затем, последовательно, Скелетуса. Чтобы не осталось свидетелей нашего с тобой сговора. Но я не торопился. Мне нужны были подданные. Это только мальчишке принцу казалось, что правит он. На самом деле подлинным царём был я! - Дядя вдохновился своими речами. - Эти двадцать лет я мечтал меньше, чем обычно. Зато я гулял по комнатам, которые казались мне целым государством! Я управлял народами! Карликами, великанами, людьми, народом котов и свиней! Пусть эти последние народы и были малочисленными, состояли всего из одного кота и одного борова.

А ты? Жалкое существо, посмевшее меня осудить! У тебя не было даже простора применить на деле свои колдовские умения!

- Да, я не так широко гуляла, как ты, - согласилась Холодайка. - Но зато твои три королевства и “народы” были полной иллюзией, игрой с детишками и зверьками! А я жила реальной жизнью! Ходила вместо тебя на работу, ела, помимо мух и комаров, бифштексы! Пила вовсе не один чай, как ты! И не только болотную воду! Я даже сделала карьеру! Из захудалого озера я скакнула в люди. В горожане! А ты?! Ты, наоборот! Стал гражданином мизерного - премизерного мирка! А ведь ты хотел простора!

Какой же простор в трёх жалких комнатах: Кухне, Прихожей и...

- Да я!..

- А я!..

Пока колдуны переругивались, соревнуясь в том, кто лучше устроился в жизни, я прислонился спиной к громадному ботинку и наскоро подводил про себя итоги услышанного.

Одно мне не давало покоя: я стал догадываться, что дядя что-то явно похитил у меня, Живульки и того мальчика в очках, которого он давным - давно выгнал из страны. Нет, не право распоряжаться этими горами: Диваном, Столом, Сервантом - похитил он у нас, а что несравнимо большее...

Ещё я понял, что дядя был раньше великаном, как Холодайка. Как те люди, что за скалами Давии, из страны Волшебника. А что если?...

У меня даже голова закружилась от предположения, что раньше и я был... великаном!? И Живулька?! И тот мальчишка в очках? Я был таким большим - пребольшим скелетом, то есть китайцем!?

Раньше! Как часто в последнее время это слово повторял Лепетайло! Надо бы его расспросить о том, что же было РАНЬШЕ!

И этот рост, эту великанскую величественность дядя у нас отнял. А вместо неё дал иную жизнь, в Давии, жизнь, которая так меня тяготила.

Может быть, даже это он послал моих родителей в далёкое путешествие, из которого они никак не могли вернуться без моей помощи. Отнял у меня покровительство Волшебника. Отгородил от него завесой мрака, вечной сумеречности.

Засушил родителей Живульки. И всё это ради чего? Чтобы обрести какую-то жилплощадь, на которую не имел права? Чужую собственность? Не пожалел чужие жизни?.. Я был потрясен своим открытием.

А два колдуна уже прощались. Холодайка со злорадством говорила дяде:
- Так что, братец, я ничем, ничем не смогу тебе помочь! Хотя мы оба и злодеи! Оба мерзавцы, каких ещё поискать надо!

У колдунов договор, бумажка, подписанная кровью, дороже дружбы! Так что выпутывайся сам. Только помни, что если этот юркий мальчишка проведаёт о наших планах, тебе несдобровать!... А ведь он совсем не глуп оказался! - Хмыкнула то ли с одобрением, то ли с восхищением Холодайка.

- Не глуп?! Не говори мне этого слова! - Едва не закричал уязвленный дядя. - Я! Я умнее их всех вместе взятых! Мой возраст велит мне быть умнее их, детей и зверей! И я добыюсь, я добыюсь, чтобы послезавтра ты уже сидела в своём чёртовом болоте со зловонной и мутной водой! А я... а я... - дядя подавился словами, - принял бы свой прежний облик и стал владельцем уже не одной комнаты, а ещё трёх квартир!

И тут рослая Холодайка опять по-звериному подозрительно приняхалась, поведя ноздрями и подвижным кончиком носа, как и в тот раз, и хмуро кинула дяде:

- Нас, кажется, снова подслушивают.

Я замер, прижавшись к скале спиной. А Холодайка неожиданно опустила руку с трубой вниз и провела ею по тёмным уголкам Прихожей, в которой колдуну было тесновато, и вдруг... высветила меня!

Дядя взвизгнул, а я вынужден был подняться во весь рост.

- Ты? - Заверещал он и тут же мстительно потер себе руки. - Ну что ж, что ж, очень хорошо, что ты многое услышал.

Я, правда, не понимал пока, что в этом хорошего. Потому что так и не узнал главного: как мне вернуть родителей, как отыскать очкарика, как нам всем вернуть себе нормальный рост и... как перевоспитать дядю. Всё-таки что-то было и в нём солнечного, если он так и не решился убить меня. Сомнительное, конечно, достоинство. Ведь он всё равно посылал меня на смерть. Может быть, он просто из трусости не покончил со мною сам. И всё

же не сделал этого собственными руками. Не был достаточно циничен и хладнокровен, может быть. Возможно, действительно был чуточки привязан ко мне?

И я предложил ему, так же всё ещё дорожа его жизнью:

- Дядя! Дядя! Давай, наконец, сразимся по честному!

Мой родственник оторопел:

- Как это?

- Загадай мне загадку! И если я на неё отвечу, ты откроешь мне все свои секреты. Понимаешь, я хочу дать тебе шанс исправить все твои ошибки. Ведь если ты поступишь благородно хотя бы сейчас, я не буду тебя преследовать. Отпущу на все четыре стороны.

Я немного хитрил, конечно. Я ведь знал, что с ответом на загадку трудно ошибиться. Известно ведь, что на некоторые загадки могут быть даны несколько правильных ответов, потому что некоторые вещи в мире похожи.

- Вот и чудесненько! - Нервно ответил дядя и засвистел. - Добрый мальчик, спасибо тебе за твоё великодушие! - Теперь он уже ёрничал. - Но ты сначала одержи победу, а потом выставляй на всеобщее обозрение свою бесконечную доброту!

Как ни могло показаться странным, но Холодайка поддержала меня. А, впрочем, чего удивительного? Ведь моя победа была выгодна ей.

Но то, о чём дядя спросил меня, было мне абсолютно неизвестно.

Он хитро посмотрел на меня, потом передёрнул плечами, насмешливо пробормотал: “Что-то чешется у меня правый глаз! Никак бить меня сегодня будут?”, захихикал, а потом неожиданно быстро спросил:

- “Гроб плывёт, мертвец поёт, ладан дышит и снуёт”. Что это? Три минуты на размышление - таково моё условие. А иначе никаких загадок. Буду сражаться с тобой по-прежнему, хитростью и колдовством.

Я не успел даже задуматься об ответе, потому что сразу понял, что, хотя и знаю уже, что такое гроб и мертвец, понятия не имею, что такое ладан.

Дядя нарочно спрашивал у меня о понятиях мира, в котором я никогда не был. Возможно, мира великанов, друзей Волшебника. Подлый человек! Но я не смел сейчас спорить с ним. Потому что боялся, что он передумает и уйдёт, потом сварит в своём Кабинете, за занавесочкой, какое-нибудь отравленное варево, и польёт им мне на лицо, когда я где-нибудь задремлю, вконец смиренный усталостью.

Неприятно быть всю жизнь скелетом - китайцем, но ведь мне могла угрожать и ещё более ужасная участь - быть убитым или невидимым, а то и превращённым в какую-нибудь молчаливую жабу. Дала, между прочим, Холодайка дяде умение оживить пальто, плащ, фужеры и рюмки, как я понимал теперь. Чтобы создать в моих глазах иллюзию настоящего волшебного царства. Да и не хотел я творить собственной волей или глупостью такие условия, в которых моему дяде опять пришлось бы выбирать: как поскорее покончить со мной. Тогда он точно уже пропадёт навсегда. Погибнет во мраке. А вот если бы дядя мне сейчас проиграл, я бы всё простил ему, все преступления и отпустил на волю. А там, смотришь, может быть, ему

уже ничего другого бы и не останется, как только зажить нормальной человеческой жизнью.

Видя, что я стою в растерянности уже минуту, дядя, явно в предчувствии своей победы, гаденько усмехнулся, а жаба затаилась: ей было страшно как интересно узнать, чем дело кончится.

Когда к концу подошла и вторая минута моего молчания, жаба засмеялась:

- Как я ни сочувствую тебе сейчас, лилипут, а я подозреваю, что тебе до завтрашнего вечера не отгадать и большего: кто ты такой на самом деле. Хотя это и в моих интересах.

И тут только вдруг дошло до меня, что в случае моей победы дядя потерпит ещё одно поражение - по договору с жабой. Я не знал, что ему будет полагаться тогда, какое наказание с её стороны, но мне становилось всё очевиднее, что дядя не отделается одним только лишением "жилплощади".

Пошла уже третья минута моего беспомощного молчания. Лицо дядя было полно надменного негодования. Его до глубины души возмущал факт, что я поставил ему свои условия в нашем споре.

- Ответ! - Заскрипел его голос, нетерпеливо призывая меня.

Но я не знал ответа. И тогда кто-то за моей спиной, чуть в отдалении, ответил за меня:

- Гро... - начали хрустальные голоса в глубине темноты Центральной долины.

- Хрю, - влез голос невидимого Понуры.

- ...за, - перевёл третий мой добровольный помощник. И дерзко мяукнул.

Это были мои друзья. Карлики, которые давно желали прийти к своему естеству - обратного превращения в фужеры и рюмки. Лепетайло и Понура, которые не спали.

Должно быть, они пробрались к входу в Прихожую следом за мной, желая мне помочь, и теперь были в курсе всего, что происходило между мной, дядей и Холодайкой. Они были свидетелями нашего договора с дядей о взаимной честности. И теперь я надеялся, что дядя сдастся: ответ на его загадку был получен - "гроза".

Но колдуны вовсе не отличались честностью.

Холодайка резко осветила тела карликов, и те в мгновение ока испарились, оставив клубы дыма. Но Понура и Лепетайло не покинули поле битвы. И я, воспользовавшись умом и знаниями своих товарищей, быстро повторил:

- Гроза.

Никогда не видел грозы, и знать не знаю, что это такое! Но я, видимо, угадал, потому что дядя в досаде скрипнул зубами, а потом громко затрещал:

- Нечестно! Нечестно! Тебе подсказали!

- А честно спрашивать меня о вещах мне совсем не известных? - Спросил я. И посмотрел на Холодайку в надежде, что ей выгодно принять в споре мою сторону и обыграть дядю.

Но ведьма лишь страшно оскалила рот и опять посоветовала ему:

- Я говорила тебе, что нужно было давно уморить твоих подданных! Голодом, холодом, ядом. Да чем угодно! Чем больше подданных, тем больше мороки! Надо жить для себя! Для себя!

Да, ведьма весьма желала погубить дядину душу, склонив его к человекоубийству.

А дядя смешался и теперь раздумывал:

- Ну, хорошо! - Наконец произнёс он. Видимо, в нём оставались ещё и крохи честности. - Давай завтра переиграем, мальчишка! Завтра, как проснёмся!

- Да ведь завтра пятница! - напомнила ему Холодайка. - В пятницу дела не делают, дела пятаются.

Но у дяди совсем не оставалось времени для выбора: к вечеру я ещё больше повзрослею, и он только небрежно отмахнулся от колдуньи. Настолько он был уверен в своей победе, в торжестве своего ловкого, изворотливого умишки.

Холодайка тоже зашла в торжествующем победном кваканье. Потом опустила на ноги и руки, подобно лягушке, и, заскакав к выходу из Прихожей, растворилась в темноте.

Дядя в свою очередь решительно устремился в долину. А я остался наедине с Понурой и котиком.

- Что такое “квартира”? - Тут же спросил я Лепетайло.

- Это дом. Ну, как тебе объяснить? Место царствования любого человека. У чужих человек находится временно и поэтому не смеет бузить. А у себя дома что хочет, то и делает! Хоть на голове ходит!

- Ты хочешь сказать, что дядя скрыл от меня границы моих истинных владений? - Ужаснулся я.

- Ну, что-то вроде этого. Но не только. Он похитил у тебя твой рост, твоих родителей, твою национальность...

- Значит, я не китаец?!

- Ты не родился скелетом! Дядя украл у тебя и твою внешность! Ты человек! И даже был хорош собою когда-то!

Я невольно схватился руками за голый череп. Мне не верилось. Я не мог быть красавчиком?!

И вдруг я понял назначение тех цифр, что обнаружил недавно в Записной Книжке дяди. 120 - это мой рост на тот момент, когда дядя начинал своё превращение. 43 - размер грудной клетки, 25 - размер обуви. Но зачем дядя всё это выписал? Над чем тут думать? Казалось бы, преврати в маленького скелета и весь разговор!

- Хрю-хрю-хрю! - Тревожно прохрюкал Понура.

- Боров советует не ломать голову над этим сейчас, - перевёл Лепетайло. - Говорит, что выспаться надо. Подготовить череп для завтрашнего поединка умов.

И мы пошли спать.

Вернулись в долину, и вдруг кот куда-то исчез. Вскоре он появился, неся в зубах какой-то предмет.

В Давии были местечки, где ещё не ступала моя нога. Одно из них - за Диваном, очень пыльное и грязное, куда я просто брезговал соваться. Но Лепетайло слазил туда и принёс какой-то металлический обруч.

- Надень на пояс. - Посоветовал он. - Это обручальное кольцо твоей матери. Я специально хранил его там, за Диваном. Оно упало с её пальца, когда дядя отправлял её в путешествие. По преданию, кольцо матери может увеличить силу твоего ума и ловкость!

С жадной нежностью ухватил я золотой предмет. Почему-то он показался мне теплым, как человеческое тело.

- Мне, наверное, давно нужно было отдать тебе его, - продолжал кот. - Но я ведь не всегда лежал на книгах. Было время - сидел только на газетах. А газеты ума не прибавляют. Да и не просто так сидел я на них - почитывая. Я на них одно нехорошее дело делал.

Я прослезился от бесконечной доброты моего котика. И забормотал, стряхивая с глазниц слёзы:

- Ты говоришь, словно не по-человечьи: “газеты”, “пол” - не понимаю, что это такое.

- Это самые что ни на есть человеческие понятия, - заворчал кот. - Просто дядя совсем задурил тебе голову: земля, скалы, горы. А на самом деле, какая в квартире земля? Какие скалы? Какие горы? Просто мебель! И Магеланн не Туалетию открыл. А то, что наша планета круглая. А Колумб - не Ванную. А Америку. Впрочем, дядя так заврался, что уже и сам верит своей чуши.

- Хрю-хрю... - Опять напомнил Понура.

- Вот именно, - поддакнул ему кот и перевёл: Да и нет единого человеческого языка. На свете множество народов и множество языков. Твой язык - русский.

- Китайский, должно быть, - осторожно поправил я.

- Китайский! - Усмехнулся Лепетайло и размяукался от смеха. - Ты ещё скажи, скелетский.

Появились карлики. Они что тащили. Какую-то картонку. Сочувствовали мне. Кот высек искры, и я вцепился взглядом в картинку на картоне. Это была фотография мальчика - великана.

- Да ведь это тот самый, с портрета из соседней страны, - прошептал я.

- Это ты сам, - загалдели карлики, сгрудившись вокруг меня.

Но я всё ещё не верил.

- Так вот о чём вы мне твердили много лет назад? Вот о какой моей сути, о каком предназначении!...

- Ну да, ну да! - Перезванивались они, то и дело сталкиваясь. - Ты человек! И твоё предназначение оставаться им всю жизнь, не превращаясь ни в кого другого!

- И с чего это вы взялись мне всё объяснять? - Подивился я, помня прежнее полу враждебное отношение к себе карликов.

- Нам надоело быть не самими собой. Мы устали! - Признался главный из них, Графин. - Зачем нам война с дядей? Это притворство? Если ты победишь дядю в поединке, ты дашь нам свободу! Свободу от нашего боевого духа!

Я вдруг вспомнил о Живульке. Должно быть, и с ней сыграл дядя такую же злую шутку, как и с прочими. Уменьшил, изуродовал бородавками, обезглазил, только что в скелета не превратил. Отнял у неё и память, и родителей, и дом.

Глава 13. Костюмчик.

Следующее утро выдалось ужасно хмурым.

Как только я проснулся, я сразу побежал на Кухню, благо Дверь на неё больше не закрывалась, а великаны навеки успокоились. И я с земли, то есть с пола, посмотрел на небо Волшебника.

На нём не играли руки-струны, прихорашивая салатовые верхушки деревьев. Заоблачные девы не плясали на стёклах и стенах - теперь я знал, как всё это называется. На помощь Волшебника мне рассчитывать сегодня не приходилось. Его заперли, оттеснили толстые серые тучи. Возможно, не без колдовства дяди. Впрочем, Волшебник и так сделал для меня уже не мало.

Я вздохнул и отправился проведать Живульку. Она чувствовала себя немного лучше.

- Я слышала, что дядя должен загадать тебе сегодня ещё одну загадку, - сказала она мне, слабо улыбаясь и поглаживая пальцами косточки моей руки. - Постараюсь помочь тебе. Ты спас мою жизнь. Я многим тебе обязана... Возьми мой глаз.

Я замер.

- Он принадлежал моей матери, - продолжала девочка убеждать меня. - Значит, он старше нас обоих. Кто знает, может быть, он тебе пригодится. Взрослые дальше нас видят.

Живулька легко отцепила от лба свою темную круглую родинку, похожую на изюминку и протянула её мне.

Девочка осталась совсем слепой и беспомощной, но, всё же нащупав рукою моё лицо, прицепила мне её где-то возле слухового отверстия, чтобы дядя не заметил. А потом вытянула руки вдоль тела и затаилась.

Я поблагодарил мою названную сестрицу и отправился к постелям Лепетайло и Понуры. Теперь мне хотелось и от них получить поддержку, хотя бы словесную.

... В этот день всё разладилось в жизни Давии. Видя, что Дверь Кухни распахнута, дядя из чувства мести не приготовил нам завтрака. Родственничек появился на краю горы Кресла, где располагался его Кабинет, тоже не прибранным: в халате, из-под которого выглядывала его мятая несвежая рубашка. Суховатой рукой он позвал меня к себе.

- Будь осторожен, - предупредил меня Лепетайло, с хвоста которого я поднялся. - Едва ли смогу подсказать тебе. Ты же знаешь, что дядя этого не потерпит.

- Хрю-хрю, - тихо напутствовал меня и Понура.

Но едва сделала я несколько шагов по Дивану, как в дверь резко позвонили. Мы все насторожились. Кто бы это мог быть? Случайные прохожие - великаны?.. Загремел замок, и на пороге Прихожей появилась торопливая Холодайка. Она сама себе открыла: у неё ведь были свои ключи от... нашей квартиры - как неловко пользоваться новыми словами! Впервые видел я, как именно входит она в Давию. Без какой-либо помпы. Просто открыла дверь и вошла, да не вытирая грязных ног о половичок.

- Ты что это? - С возмущением накинулся на неё занервничавший дядя.
- Ещё не вечер, срок нашего договора не истёк!

Но Холодайка лишь примирительно и хладнокровно улыбнулась своим длинным и узким ртом старой пронырливой жабы.

- Потому и пришла, - сказала она развязно, - что не допущу, чтобы ты поступил нечестно! Знаю я тебя, старого обманщика! Всё сделаешь, что бы мальчик тебе проиграл! Лучше бы ты убил его! Ещё до наступления вечера. А иначе... ты сам знаешь, что с тобой станет...

- “Убить! Убить!” А ведь десять-двадцать лет назад ты не обговаривала со мной таких условий, - задумчиво и с укоризной произнёс дядя. - Вот я и таскал повсюду за собой очкарика и Живульку...

- Вот они и проникли в наши с тобой тайны, - ядовито подхватила жаба.

- Вообще-то я не убийца, - с достоинством произнёс дядя.

- Как же! Как же! - Я не выдержал его лжи и закричал с Дивана, размахивая руками. - А родители Живульки? Кто их засушил? А сама девочка? Кто запер её в Баре, в темном саркофаге без еды и питья?

Ответ был неожиданным:

- Холодайка!

Тут уж мы все: Лепетайло, Понура, я и, думаю, Живулька, - она лежала у меня за спиной, и я её не мог видеть - оторопели настолько, что просто молча уставились на жабу, ожидая объяснений.

Холодайка неприятно захихикала:

- Я лишь исполняла твои желания, старый дуралей. Ну... пусть на свой вкус, с присущими мне фантазиями... Да ведь заказчиком всё равно был ты, мил-а-ай!

Дядя завертел головой, пряча от нас глаза. Должно быть, то, что сказала Холодайка, было чистой правдой, потому что дядя процедил сквозь желтые зубы:

- Не собираюсь оправдываться перед такими ничтожествами, как вы! Уродливые лилипуты! Ненавижу вас всех!

- А кто сделал нас лилипутами? - Вскрикнула Живулька. - Сначала уменьшил и сделал безобразными, а теперь презираешь?! Мы - дело твоих грязные рук!

- Да и не такие уж мы ничтожества! - Изрёк я с негодованием. А потом посмотрел на девочку: Это верно, что тебя заперла в баре эта жаба?

- Да, - ответила Живулька. - Хотя на дяде и без того не мало вины. Из-за него я ослепла! А тебя он посылал на верную смерть к эльфам. И мальчика - очкарика он выгнал из Давии! - Живулька тоже его помнила. - И в грушу он тебя хотел превратить! И Бурого превратил в мертвяка!

- Он был просто игрушкой! - рявкнул на нас дядя. - Я его оживил, я и вытащил из него пищалку!

- Это для вас он был только игрушкой! - Отозвался я. - Для нас человеком!

- Ха-ха-ха! - Развеселился дядя. - Какой же из медведя человек?

- Люди бывают разными! - мудро возразил Лепетайло. - Я, может быть, тоже себя человеком считаю - с тех пор, как Скелетус стал понимать мой язык!

Впрочем, довольно уже было сказано! Пора разрубить гордиев узел, который затянули на наших жизнях эти два колдуна. Правда, на душе у меня было тревожно. Не верил я, что дядя так легко откажется от своих, вернее, наших трёх квартир, если я найду ответ на его следующую загадку. Эти два колдуна, наверняка, начнут прибегать к подлому обману. Одно меня успокаивало: они соперничали. Так как Холодайку весьма устраивало, что она живёт дядиной жизнью, она будет тщательно следить за тем, чтобы он не жульничал в предстоящей игре со мной.

Когда все как-то опять более или менее успокоились и устроились вокруг Кресла, на верху которого, на сиденье, находился Кабинет, дядя предложил мне задание:

- Ты знаешь уже, вероятно, кто ты. - Зло зафыркал он, так ему было неприятно подтвердить открывшуюся истину. - Ты - мальчик. Обычный, ничем, кроме своей большой квартиры, не примечательный. По имени Анастас, что переводиться, как Воскресение. Дурацкое имя, что и говорить! - Он просто переполнялся желчью, неприязнью ко мне и высокомерием.

И может быть, именно потому, что он переоценивал себя, свой ум и своё магическое величие, недооценивая при этом меня и моих друзей, он вдруг предложил мне вопрос, который сначала не показался мне сложным:

- Как меня зовут?

Я воспрянул духом и задумался.

Обычно я ищу имя человека на нём самом, в его внешности и его характере. Живулька, значит, живая, бойкая. Понура вечно хмур и ходит с опущенной головой. Лепетайло - назван так потому, что его урчание на сытый желудок напоминало детский, невнятный лепет.

Да и Груша была вылитой сочной и нежной грушей. А фамилия дяди была Пустопорожнев, вполне подходящая для него - бессодержательный он человек! Моё имя тоже говорило за меня: Скелетус, а теперь и Воскресение. Изъедуха же - это тот, кто всех поедом ест. Холодайка оказалась холодной и жестокой жабой... Но Изъедуха было не настоящее имя дяди, сказочный псевдоним. Как же его звали раньше? В мире великанов?

Наверное, его имя было всё-таки какое-нибудь негодяйское! Хотя... навряд ли. Люди умеют прятать свою истинную сущность за своими благородными костюмами, именами и званиями.

Не знаю, как у меня и вырвалось, но я произнёс вслух, думая, что говорю это про себя:

- Гад!

Ничто не изменилось в лице дяди, когда он услышал это. Но у меня был сейчас третий, потайной глаз. Именно он и отметил, что дядя вдруг сжал в кулаки, заложенные за спину. Это меня насторожило. Но, не давая мне одуматься, дядя весело продолжал:

- Да, милый племянничек! Я ещё не сказал тебе о том, что моё имя не так уж и просто, как тебе могло показаться! Оно состоит не из одного слога, а из трёх!

И вот, следуя правилам всех сказок, я должен дать тебе и три подсказки.

- Он надменно, торжествующе захохотал, заранее предчувствуя свою победу.
- Правда, если задуматься, подсказки могут ещё больше запутать неумного человека. А ведь ты никогда не отличался большим умом, не так ли, дорогой мой племянничек? Хотя на самом деле, какой ты мне племянничек? Мы вовсе не родня! Я просто узнал, что в одной семейке, что владеет громадной квартирой, есть пятилетний ребёнок - несмышлёныш, вот и решил, что его легко будет прибрать к рукам!

Он словно нарочно пытался меня оскорбить, вывести из себя, дабы я разгорячился и все свои силы выбросил на переживание моих обид.

Но я старался держать себя в руках. Выждав некоторое время, дядя продолжал с хитрым видом:

- Итак, первый слог моего имени куда-то ведёт!.. Так что я никак не могу быть Гадом.

Второй - соединяет! А третий ставит знак равенства между самыми непохожими предметами мужского пола. - Дядя опять засмеялся. Он так зашифровал своё имя, что в нём невозможно было разобраться. - Пять минут тебе на всё про всё, малолетний недоумок!

Тут уж я разволновался. От этих пяти минут зависела вся моя последующая жизнь! Да и не только моя.

А дядя вовсе не собирался оставлять меня в покое. Когда он в очередной раз взглянул на меня в упор, как бы давая мне понять, что отсчет времени уже начался, мой третий глаз успел заметить, как из его правого глаза в какую-то сотую долю секунды (!) вылетела чёрная бабочка. Дядя в тайне от Холодайки и от нас всех продолжал насыпать на меня свои чары.

Бабочка была легкой тенью, и никто её не видел в сумеречной комнате, кроме одного меня. Она попыталась сесть мне на череп, чтобы незаметно впитать в себя силы моего и без того ещё незрелого ума, мою мозговую энергию. Дядя хотел, чтобы я совершенно оступел. Возможно даже, бабочка должна была вызвать у меня головную боль. А ведь известно, что когда голова раскалывается от боли, человек мало что соображает.

Но я вовремя встряхнул головой, бабочка, скользнув по моему темени, кувыркнулась в воздухе и, неловко врезавшись в пол, конечно же, рассыпалась в прах, как любое чисто энергетическое творение.

Никто этого не увидел. Один я. И то лишь благодаря опытному глазу Живулькиной матери, который был намётан, как говорится, различать проделки дяди. Мама девочки, должно быть, уже хорошо узнала этого негодяя, за восемнадцать лет знакомства с ним - именно столько она и пролежала в его Записной Книжке.

А время бежало... Дядя торжественно провозгласил: "Первая минута подошла к концу!"

Но он продолжал мешать мне думать и дальше. В следующее мгновение дядя сделал так, что надо мной появилась, опять-таки невидимая другим, серая пузатая туча и пролила на меня воду! Незримая вода холодом пробежалась по моим косточкам, быстро впитываясь в шерстяную материю земли, то есть в ковёр. Я сразу почувствовал, как силы стали уходить из меня вместе с этими потоками. А я даже не мог укорить дядю в его нечестности. Потому что он всегда мог возразить мне, что дождь мне только почудился!

На моё счастье, тут вмешалась Холодайка.

Она заметила, наконец-то, дядины происки, зачмокала языком и закачала головой:

- Нехорошо жульничать. - Хотя она и не любила меня и готова была в любой момент прикончить недрогнувшей рукой, она действовала сейчас в моих интересах, желая, чтобы дядя потерпел поражение. Существуют свои правила жизни и у колдунов. Холодайка давно могла раздавить меня, Живульку и хрупкого Понуру ногами, убирая свидетелей своего и дядиного преступления, но дядя не хотел этого, и она ему в свою очередь повиновалась.

Ничего больше не говоря, Холодайка силою своего чародейства собрала с ковра пролитую воду, подняла её взглядом тёмных глазок и вновь облила ею меня, но только снизу вверх, а потом вообще собрала воду обратно в тучу. Мои силы вернулись ко мне. Я вздохнул с облегчением: я снова мог соображать. Однако никому из присутствующих заметить это дано не было. У них не было третьего глаза. А я вдруг понял, каким образом до Живульки доходило, что дядя всех нас обманывает - с некоторых пор это сообщал ей глаз её матери.

Я опять углубился в задачку дяди, но он упрямо от меня не отставал! Господин Пустопорожнев вдруг начал донимать меня тем, что внезапно принялся всхлипывать и причитать. Все удивились и начали переглядываться.

- Что это с тобой? - Невольно и в то же время подозрительно спросила его Холодайка.

А дядя энергично затряс руками и застонал:

- Видите, видите? Сколько заусенцев вдруг появилось у меня на пальцах?... Ах!... Ох!... Глядите, глядите а эти лоскуты кожи возле ногтей? Они возникли только что! В мгновение ока! Ах! Ох! Должно быть, черти дерут с моих пальцев лыко себе на сапоги...

Я уже хотел невольно пожалеть старика ил пошутить, что черти пробирают его за грехи, потому что по его рукам дяди действительно заструилась кровь! Но Холодайка вдруг холодно засмеялась очередной дядиной хитрости. А потом и погрозила ему пальцем.

И я понял, что дядя просто желал отвлечь моё внимание жалостью к нему. Ведь как только Холодайка над ним посмеялась, он тут же в досаде щелкнул пальцами, и следа крови не осталось.

Затем он громко и злорадно провозгласил: "Вторая минута!"

У меня оставалось всего три минуты! О, ужас! Я решил больше не отвлекаться и закрыл руками глазницы. Потом глубоко вздохнул и задумался: кто же водит путешественников, кто показывает им разные места.

Я вспомнил, как дрогнули дядины руки за его спиной, когда я произнёс слово “гад”. Но это явно не “гад”. И откуда-то из глубины моей детской памяти вдруг всплыло слово “гид”. Даже не понятие, а набор знакомых, услышанных однажды звуков. Третий глаз зашептал мне в самое ухо, разговаривая на два голоса: голос Живульки и голос её матери: “Что? Что ты сказала, мама? Не понимаю!” - “Я что, гид тебе? У меня язык не так хорошо подвязан. Это у них он без костей. Раскрой уши и запоминай с первого раза”.

Неужели “гид”? Я хотел уже выдать на удачу первый слог дядино имени, как вдруг третий глаз явил перед моими закрытыми глазами какое-то женское лицо. Я догадался, что это была сама Живулькина мама! Я не мог услышать её голоса, потому что в этот миг дядя о чём-то громко разговорился с Холодашкой, но по губам прочёл: “Гид. Гид”.

Тогда и я сказал дяде:

- Гид. Первый слог “гид”.

Дядя недовольно завозился, зашаркал ногами в домашних полосатых тапочках. А Холодашка захлопала в ладоши, восхищенно протянув: “Правильно! Так его, дядю твоего! Так!”

Если бы не она, дядя, наверняка бы в этот момент хитро переменял задание. Чтобы я никогда не смог ответить ни на один его вопрос, ни на одну загадку. Сказал бы, например, что его имя “Спиридон” или первый слог звучит как “гуд”. Присутствие Холодашки не давало ему обмануть меня.

Но почему второй слог соединяет?... Эх, вот когда я пожалел, что ничему не был учён.

- Потому что этот слог может быть союзом! - Невольно крикнула мне с Дивана Живулька. Дядя тут же на неё зашикал.

- Союз? - Спросил я, поворачиваясь к ней. - Но что это? Я не знаю!

- Советаться нельзя! - Крикнул дядя и засучил ногами. - Засчитаю за проигрыш!

Но он всё равно довольно быстро успокоился, потому что знал, что не даром же не учил меня никогда человечьему письменному. Так нас, необразованных, легче было покорить и держать в своей власти долгие годы. Полу грамотный человек - легкая добыча! Но Живулька, которая была на девять человеческих лет старше меня, видно. Ещё что-то помнила со школьной скамьи мира великанов.

- Засчитаю за проигрыш! - Вопил дядя.

Но опять выручила меня Холодашка. Так что я ей был даже благодарен.

- А колдовать в тихую против соперника разве можно? - Напомнила она дяде. И дядя сразу стушевался.

Время шло, а я просто терялся в догадках. Что такое “союз”? ... Вообще-то, начал рассуждать я, союз - это дружба, это хорошие взаимоотношения. Это я и Живулька. Это мои друзья Лепетайло и Понура. И даже Груша, которую я вспоминал с благодарностью. Пусть действовала она, прельщая меня, по подсказке дяди. И всё же... И она оказалась его жертвой. И.. ещё... И ей он воспользовался. Знал, что она, слушаясь его во всём, полюбит именно того, на кого он ей покажет. Несчастная... И она несчастная... Так же, как и все мы.

Я вдруг поймал себя на том, что без конца произношу в своём внутреннем монологе коротенькое слово “и”. Оно, в сущности, и служило для объединения нас всех, детей Давии, в одну семью.

Оно соединяло нас, служило нашему союзу. Союзу... Уж не оно ли и есть тот таинственный второй слог дядино имени? И теперь я уже сам, своей волей, вызвал в своём воображении доброе и светлое лицо Живулькиной мамы. Благодаря третьему глазу, оно явилось передо мной незамедлительно, и тут же с силой закивало. У меня отлегло на душе.

- Второй слог “И”, - произнёс я.

Дядя в страшной досаде скрипнул зубами, и я понял, что попал в точку. Мои друзья зааплодировали, радуясь на своём Диване моему успеху.

Но что же у меня получалось? Чушь какая-то. “ГИДИ”. Разве это напоминало имя? А дядя только что произнёс: “Третья минута!”

И тут от моего третьего глазика не ускользнуло, что жаба Холодайка вдруг почему-то смутилась и повернулась ко мне спиной, уйдя в глубину Центральной долины. Вернее, большой комнаты моей квартиры. Явно стараясь скрыть своё волнение, она наклонилась над Креслом, той частью дядино Кабинета, где была расположена его заповедная половина, за занавеской, и принялась что-то с интересом там разглядывать. Она встала так, чтобы я видел её бок и профиль. И это сильно меня смутило.

У этих лихих колдунов ничего ведь не бывает просто так, не то, что у простых людей, вроде меня. Слишком они расчетливы.

Дядя заметил, что я уставился глазами на Холодайку и тоже почему-то занервничал. Тогда я окончательно решил, что третий слог как-то связан с жабой.

Я внимательно следил за ней, а она вытворяла что-то не совсем обыкновенное. Запустив свои длинные руки в дядино “святые святых”, расположенное у спинки Кресла в низине, жаба вежливо и в то же время что-то усиленно перебирала, переставляя по своему усмотрению. Что могло привлечь её внимание?

И о том ли я думаю, о чём следовало сейчас? Надо было рассуждать, напрягаться и шевелить извилинами, которых у меня всё равно не было. И я опять глубоко задумался, стремясь подавить нарастающее волнение.

А мысли прыгали. Я невольно спрашивал себя: верно ли, что Холодайка на моей ли стороне. Я уже как будто решил раньше, что сейчас на моей. Но это было три минуты назад! Три чудовищно долгих минуты! Кто их разберёт, этих колдунов! Сегодня они могут воевать, а завтра уже найти общие интересы и помогать друг другу. Вот сейчас, например: чем была занята жаба? Желала она обратить на себя моё внимание или наоборот уйти от него?

А Холодайка всё шуровала длинными волосатыми ручищами в дядиной алхимической лаборатории.

- Ой, а это что? - Вдруг спросила она то ли себя, то ли дядю и со смешком вытащила из глубины Кабинета ту самую колбу с вилой.

Тогда уж дядя не выдержал! Он с диким воплем кинулся к Холодашке, желая вернуть колбу на место. Почему она была так дорога ему - вот что было мне не понятно!

Но как мог дядя лилипут достать до высокой Холодайки? Та уже подняла колбу, поднесла к глазам и теперь с любопытством её разглядывала. Время, отпущенное мне на отгадку, конечно, стремительно бежало. Но не мог же я ещё раз не посмотреть на прекрасную солнечную деву, золотое тело которой плавало внутри стеклянной баночки, пытаюсь руками раздавить стекло? Солнце... Солнце всем придаёт сил. Вот почему мы, живые и нормальные, так к нему и тянемся всегда, к его взбадривающему и ласковому теплу. Вот почему оно меня завораживает!

Я тотчас вспомнил, что обещал Волшебнику освободить его пойманную младшую дочь. И.. так и подскочил! Потому что вдруг догадался, почему вила, сестры которой спокойно проходили сквозь стекла кухни и большой комнаты, не могла выйти из этой колбы. Она была сделана из затемненного стекла, не пропускавшего солнечный свет. Это давало возможность колдунье Холодашке спокойно её сейчас рассматривать. Впрочем, дядя надевал солнечные очки.

Должно быть, вила прекрасно понимала, в чём заключается её сила и опасность для колдунов. Поэтому она в досаде плавала внутри склянки, то поднимаясь, то уходя на дно. Маленькая золотая купальщица, которая ничем не могла мне помочь, хотя, наверняка, и хотела это сделать. Себе помочь она не могла тоже.

Плавные движения её гибкого тела заворожили даже жабу, а, может быть, Холодашка лишь претворялась и желала заставить нас так думать.

- Четыре минуты! - Возгласил дядя. А я даже не ведал ещё, где искать третий слог. Очевидно, где-то на жабе. Но она была так велика!

Я нервничал и не спускал с неё глазниц. Дядя тоже нервничал. Ему не нравилось, что Холодашка рассматривает его собственность - вилу. Но так как жаба не позволяла себе ничего лишнего, не вскрывала колбу, запечатанную пробкой, ни пыталась бросить её на пол, чтобы разбить, то дядя опять сдерживал своё негодование, хотя и с трудом.

И вдруг, когда уже прошла, наверное, половина последней, пятой минуты, Холодашка загоготала и повернулась ко мне лицом, поднося колбу к самому моему черепу.

Она, конечно же, не могла подсказать мне третий слог явно. Но, почему-то чудилось мне, в этот самый миг она попыталась сделать это. Только я пока не видел её подсказки. Загоготала же она, якобы, оттого, что ей понравилось, как вила совершала своей неудачный очередной побег из колбы.

Бедная девушка не могла протиснуть всё своё тело сквозь фильтры стёкол. Они задерживали значительную часть её энергии, а она вся была - энергия. И поэтому из колбы показалась только рука заоблачной пленницы. Потом краешек ноги. Над этих и хохотала грубая Холодашка, повернувшись ко мне лицом и брюхом.

Но внезапно я догадался, что вила попыталась вовсе не сбежать, а помочь мне. Ради меня и билась она сейчас с колбой. Должно быть, тоже слышала дядину загадку и могла на неё ответить!

В тот самый момент, когда дядя уже раскрыл рот, чтобы злорадно произнести: “Пять минут! Всё! Время истекло!”, вила удлинила выглянувшую солнечную руку - лучик и уткнулась куда-то в живот Холодайка. Жаба заметила это и... довольно улыбнулась, а дядя вцепился в свои глаза. Ослепленный живым светом. Далеко было его Богу Люстре до дочерей моего Волшебника!

В комнате чуть-чуть посветлело. Я вытаращил глаза. Рука вилы слабо освещало на плаще жабы какую-то небольшую пуговицу. Я вгляделся. На медной пуговице было что-то написано. Лучик рука обвела на ней, высвечивая, две буквы. Возможно, это были вензеля самой Холодайки. У неё могло быть столько имён! У колдунов обычно имён не мало, сказочных и настоящих...

Но я не знал, как звучат эти буквы. Ведь никто никогда не учил меня письменному человеческому. И я решил схитрить, я кинулся к Записной Книжке дяди, выдернул её из-под пресса, раскрыл и начертал подвернувшейся ручкой запомнившиеся мне фигуры букв: О и Н.

- Вот, - сказал я с удовлетворением. - Это последний слог.

Возможно, в иной ситуации дядя бы опять мне воспротивился и попытался в очередной раз обмануть, но это не дала ему сделать жаба. Она суетливо к нему шагнула, нагнулась и крикнула в лицо:

- Мальчик прав! Гидеон - тебе имя! Ты проиграл!

Что произошло после этого?

Голова моя закружилась, когда я понял, что победил в поединке умов! Конечно, не без подсказки моих друзей, но ведь я - ребёнок не гордый! Я никогда не считал себя самым умным.

Ужасное напряжение спало. И я просто стоял и смотрел, широко раскрыв глазницы, словно ноги мои приросли к Креслу.

А в это время с моим несчастным дядей творилось что-то неладное.

Мои друзья, судя по шуму за моей спиной, даже повскакали со своих мест на Диване и что-то громко комментировали. А с дядей творилось неладное.

Он не умер, но и не вырос, превратившись, допустим, в жабу, как можно было ожидать. Холодайка, поняв, что тоже одержала победу над дядей, опрометью кинулась в Прихожую и убежала из нашей квартиры, пока её не нагнали. А дядя стал на моих глазах худеть, сохнуть и... потихоньку терять в объеме. Сначала на нём высохла его кожа, затем она отшелушилась. Потом посветлело и испарилось с костей мясо. На это даже невозможно было смотреть... Наконец на дяде ясно проступили очертания скелета.

А ко мне... Что это? Мои мышцы и кожа вернулись! Как же они смогли так скоро нарасти на моих косточках?!

И тут я понял всё! Цифры 120, 43 и 25 означали не только мои размеры, но и размеры... костюма. Того самого волшебного костюма, который я носил

на себе долгих девять лет, и который надел на меня мой дядя. И вот теперь по договору между дядей и жабой этот костюм, с нарисованным на нём скелетом, автоматически перешёл на дядю!

Нет, это только мне с перепугу показалось, что дядя усох - на самом деле под его нынешним костюмом была всё ещё его живая плоть, его тело. Но только теперь её невозможно было ни увидеть, ни почувствовать, ни пощупать. И вот почему из меня, скелетика, некогда проистекала кровь при порезе. Лезвие пропорол фантастический костюм и добралось до моей кожи. Я и не знал!...

И вдруг дядя тоже понял, что с ним происходит, испуганно подпрыгнул и... побежал к спуску с Кресла. Лепетайло приподнялся, чтобы броситься на него, как на мышь, поймать, а потом отдать в руки давского правосудия. Но я остановил его движением руки.

Я давал дяде уйти. Уйти из моего дома, из Давии. Он и так был достаточно жестоко наказан, когда получил по заслугам, когда на него перешёл мой костюмчик.

Понимал я и то, что дядя пострадал сейчас ещё и потому, что когда -то не решился убить меня... А ведь если бы он это сделал, вместе со мной навсегда ушла бы в могилу и моя волшебная одежда скелета. Я был дядиной проблемой. Но он жил с этой проблемой. Может быть, из трусости. А может быть, отчасти и из жалости ко мне. Вот и я не решился лишить жизни его. Пусть уходит! Кто знает, возможно, жизнь заставит ещё дядю заплакать о себе самом, поскорбеть о своей жадности и глупости. И тогда... кто знает... дядя выплачет и свою злобу на людей?

Правда, вместе с дядей уходили из Давии и его тайны. Удирали из моей квартиры через приоткрытую дверь - туда, в страну великанов.

А мы до сих пор оставались лилипутами: и я, и Живулька.

Но тут дала о себе знать вила. Она заметалась в колбе, что-то крича. Я кинулся к ней и попытался вытянуть из колбы пробку. Ничего не получалось. Тогда мне помог Лепетайло. Он смахнул колбу на пол, и она... разбилась.

- Уф! - Только и сказала вила, когда выбралась на волю.

- Я знаю, как вернуть вам человеческий облик, - торопливо произнесла она, едва отдышавшись. - Несите зеркало!

Опять зеркало? Лепетайло бросился за зеркалом.

Тем временем вила рассказывала:

- Дядя потому и держал меня в колбе, что я узнала некоторые его секреты. Я пробралась в Давию через щелочку с улицы однажды. очень солнечным утром... И заглянула в его бумаги. Разложенные на столе... Вот он изловил меня и посадил в бутылку. А убить он меня не мог. Я ведь просто солнечный луч, что спускается на Землю по бороде моего отца.

Вила сама принесла из дядиного Кабинета сухие тела Живулькиных родителей.

Потом я привёл Живульку, предварительно отдав её третий глаз, чтобы она смогла сама увидеть, как оживают её родители. Девочка даже дрожала от нетерпения. А на меня взглянула мельком и только и сказала: "Хорошо,

красавчик!” Мне и того было довольно, ведь я пока что себя даже не видел в зеркале.

Затем вила легко вошла внутрь зеркала, которое принёс Лепетайло. Как делал это в своё время её отец. И оживила его поверхность, сотворив некую кипящую серебряную массу. Потом показалась в неё сама, склонилась как бы в поклоне, с силой наклонив и зеркало, и пролила живительное серебро на папу и маму девочки.

Вот что оно, оказывается! Нейтрализация злого колдовства, цепко сидевшего восемнадцать лет в родителях Живульки, тоже происходила силами серебра. Ведь это зеркало было старинным, доставшимся маме от бабушки. Вот почему мои папа и мама так уповали на его помощь, когда находились в пустыне. Или то были не мои родители?..

Со слезами на закрытых веках смотрела Живулька своим третьим глазом на то, как обретали формы, розовели и пробуждались к новой жизни её милые предки...

Когда сеанс обратного колдовства был закончен, мама и папа девочки, не помня себя от радости, заключили её в свои объятия. А потом, по правде, и зачем-то и меня. Хотя - я-то тут при чём? Это всё вила...

Хорошо, что нам не пришлось долго вводить его в курс дела - они действительно умерли не полностью, а как бы погрузились в некий полу сон. И вскоре вила поспешила за веером дяди. Сняв с него пару прекрасных карих глаз девочки, она смогла вернуть их на место, на лицо Живульки. И ещё нам радости прибавилось. Лепетайло от переизбытка чувств даже облизал нас всех. А Понура просто сидел в луже слёз, которые пролил от счастья! Как же! Семья воссоединилась!

Когда девочка прозрела, она отдала свой третий глаз маме, и он тотчас принял нормальную, естественную форму.

Потом Елена Фёдоровна, так звали маму Живульки Воскликнула:

- Теперь за сундучком!

Она и её муж, Сергей Васильевич, приволокли из-за занавесочки дядиного Кабинета какой-то сундучок. Мы сбили с него замок и откинули крышку. А под ней оказалась ... земля.

Что за земля? Зачем она дяде? А нам-то зачем?

Но Елена Фёдоровна знала толк в этих делах. Она авторитетно ответила:

- Твои родители, Анастас, действительно путешествуют. Это твой дядя, а вернее, злой колдун Гидион Спиридонович Пустопорожнев, отправил их в бесконечное странствие! В тот день, когда он решил завладеть вашей квартирой, он дождался возле крыльца пока твои папа и мама уйдут на работу и аккуратно срезал верхний слой земли с их следами. Потом спрятал их у себя у дома, предварительно уменьшив. Так их удобнее было хранить. А если колдун спрячет чьи-нибудь следы, людям уж не суждено найти дорогу назад! Более того: они не могут пройти по одному месту дважды. Вот твои родители, мой дорогой мальчик, и уходили всё дальше от тебя, от родного города. Пока не оказались в пустыне, где вообще нет никаких следов человеческого пребывания. Хорошо, что колдун не был властен над их жизнями!

Уж девять лет блуждают твои папа и папа по бескрайней планете, но сегодня они обретут родной дом!

С этими словами она потащила сундук к порогу. Мы все помогали ей. Что-то подсказало мне, что надо оставить оба следа, даже не вытряхивая землю, у крыльца, где её и взял Гидеон. Маленькие, провозились мы, конечно, долго. А потом вернулись к себе в Давию и присели, чтобы отдохнуть.

В этот самый момент кто-то и позвонил в дверь.

Мы нарочно её не захлопывали. Потом не достали бы до замка, чтобы отворить. Я пошёл “открывать”. Мне невозможно было поверить в то, что это были мои папа и мама!

И я крикнул, им ещё из Прихожей:

- Заходите! Открыто! - Голос мой едва не сорвался от волнения.

И они вошли!

И как только они кинулись ко мне, подняли на руки и расцеловали, я тут же и вырос! Это потому, что родители для того и существуют, чтобы расти!

Дядино колдовство разрушилось окончательно! Карлики в тот же миг стали фужерами и рюмками. Эльфы домашними муравьями. А мы с Живулькой и её родителями приобрели свой нормальный рост. Надо ли вам говорить, что мы все стали друзьями? Понуру и Лепетайло я оставил у себя. И хотя все остальные обрели своё естественное состояние, Понура так и остался маленьким живым поросёнком. Так что иногда с ним можно было от души и похрюкать.

Об одном я только жалел, что не успел сказать дяде: пусть почаще плачет о своей неудавшейся жизни.

И ещё я жалел о том, что так и не понял: как найти нам мальчика очкарика и где жаба скрывает его родителей. Но я очень даюсь на то, что ещё открою и эту дядину тайну.

КОНЕЦ ИСТОРИИ